

«Сколько же есть вещей,
без которых можно жить»

— Сократ,

400 год до Рождества Христова

Оглавление

Глава 1. Лагерь «Сосна»	7
Глава 2. Долгожданная встреча	15
Глава 3. Кристофер Томас	25
Глава 4. Чистосердечное признание	33
Глава 5. «Мистер Обыкновенный»	45
Глава 6. Повышенное внимание	58
Глава 7. Ваш Майк	63
Глава 8. Письма без подписи	70
Глава 9. Комната для посещений	86
Глава 10. В глубине «Джерси»	102
Глава 11. Дом отшельника	113
Глава 12. Семья Найт	126
Глава 13. Типология протестов	144
Глава 14. Сделка с совестью	158
Глава 15. «Нетипичная аккуратность»	169
Глава 16. Книжный червь	181
Глава 17. Музыка леса	201
Глава 18. Зимний стоицизм	212
Глава 19. Диагноз: «отшельник»	223
Глава 20. Людская молва	237
Глава 21. Груз одиночества	249
Глава 22. Знающий не говорит, говорящий не знает... ..	264
Глава 23. Редкие встречи	276
Глава 24. Аргументы «за» и «против»	288
Глава 25. Суд и приговор	301
Глава 26. Возвращение домой	316
Глава 27. «Лесная Дама»	326
Глава 28. «А что, если...»	338

Глава 1

Лагерь «Сосна»

Там, где живет отшельник, деревья тонки и переплетены над гигантскими валунами и буреломами, словно спутанные нити. Там нет троп. Попытка пробраться туда — суровое испытание, напоминающее порку ветвями-розгами, а в темноте и вовсе кажется, будто пройти там невозможно.

Темнота — то самое время, когда передвигается отшельник. Он ждет до полуночи, надевает свой рюкзак и сумку с инструментами для взлома и оставляет лагерь. Фонарик висит на цепочке, обвитой вокруг шеи, но сейчас он отшельнику ни к чему. Каждый шаг он помнит наизусть.

Он проходит сквозь лес уверенно и плавно, петляя и перешагивая препят-

ствия, не сломав ни одной веточки. На земле еще лежат бугорки снега, подтаявшие и грязные, — весенняя пора, Центральный Мэн, — но он обходит их все. Он перескакивает с камня на корень и снова на камень, не оставляя ни единого следа.

Отшельник боится, что один-единственный след может выдать его. Секретность — штука хрупкая, стоит лишь раз дать слабину — и все, пиши пропало. Оставлять отпечаток подошвы, если вы относитесь к делу серьезно, не разрешается ни в коем случае. Слишком рискованно. Поэтому он тенью скользит между сосной, и кленом, и березой, и вязом до тех пор, пока не достигает скалистого берега замерзшего пруда.

У пруда есть название — Малый Северный пруд, хотя отшельник этого и не знает. Он раздел мир до самого важного и оставил себе только это, а имена собственные к самому важному не относятся. Он знает это время года, глубоко, каждую его грань. Он знает луну, она сегодня убывающая, осколок на небе уже меньше половины. Обычно он дожидался новолуния, — чем

темнее, тем лучше, — но это путешествие должно случиться сейчас, иначе он может погибнуть. Он знает час, минуту, секунду. Он надел старые механические часы, чтобы быть уверенным, что успеет вернуться до рассвета. Он не знает, по крайней мере не подсчитав в уме, какой сейчас год или десятилетие.

Толстый лед — подарок для того, кто не оставляет следов, но, когда он подплавлен солнцем, каждый отпечаток подошвы, наоборот, ложится на него рельефным оттиском.

Он хотел перейти пруд по льду, но быстро оставил эту затею. День выдался относительно теплый, чуть выше нуля — он знал эту погоду. И пока он сидел в своем лагере, солнце работало против него. Толстый лед — подарок для того, кто не

оставляет следов, но, когда он подплавлен солнцем, каждый отпечаток подошвы, наоборот, ложится на него рельефным оттиском.

Так что придется пойти долгим путем, снова сквозь деревья, прыгая по корням и камням. Он знает каждую клеточку этих «классиков» на мили вокруг, не раз и не два пройдены им все окрестности до самых дальних уголков Большого Северного пруда. За спиной остается дюжина летних домиков, скромных, из некрашеного дерева, накрепко запертых на зиму. Путь занимает почти час, и за все время — ни следа, ни сломанной ветки. На некоторые корни он наступает так часто, что они становятся гладкими. Даже зная об этом, ни один следопыт не смог бы его найти. Ходьба по лесу стала его искусством.

Он останавливается у цели — летнего лагеря «Сосна». Лагерь закрыт, но управляющие уже были здесь и, возможно, начали завозить продукты на кухню перед началом сезона. Из тени леса он внимательно осма-

тривает территорию: домики для ночлега, мастерскую, зону отдыха, столовую. Никого. Пара машин на парковке — как обычно. И все же он ждет. Осторожность никогда не бывает лишней.

Наконец, он готов. Лампы с датчиками движения установлены по всему лагерю, в основном из-за него, но они не являются серьезным препятствием. Лучи статичны, их границы неизменны. Достаточно лишь знать, где они, и обходить стороной. Отшельник двигается зигзагами, останавливается у определенного камня, переворачивает его и забирает ключ, который спрятал там в прошлый раз. Затем поднимается на пригорок к парковке и пробует открыть двери машин. Пикап Ford оказывается открытым. Он включает фонарик и ныряет в кабину.

Конфеты! Всегда кстати. Десять рулончиков с шоколадными драже Smarties торчат из держателей для чашек. Он засовывает их в карман. Забирает новое непромокаемое пончо и серебристые часы

Armitron. Это недорогие часы — если бы они выглядели ценными, отшельник бы не взял их. У него есть моральный кодекс. Но вторые часы нужны — когда живешь на природе, под дождем и снегом, поломки неизбежны.

Он обходит еще несколько ламп-ловушек по пути к задней двери столовой. Здесь он кладет на землю свою тканевую спортивную сумку и открывает молнию. Внутри — пара шпателей, инструмент для удаления краски, мультитул Leatherman, несколько длинных плоских отверток и три запасных фонаря. Он знает эту дверь, она уже слегка поцарапана и выщерблена благодаря его работе. Выбрав отвертку, он вставляет ее в щель между рамой и дверью, рядом с ручкой. Один правильный поворот — и добро пожаловать. Он проскальзывает внутрь.

Включенный фонарик зажат во рту. Отшельник на большой кухне лагеря, луч света бежит по нержавеющей стали, отскакивает от спящих ковшей и поварешек, висящих под потолком. Поворот направо,

пять шагов — кладовая. Он снимает рюкзак и осматривает полки. Хватает две пачки кофе и бросает их на дно рюкзака. Вслед за ними летят упаковки тортеллини и зефирок маршмэллоу, батончик мюсли, пачка картофельных чипсов Humpty Dumpty.

То, ради чего он пришел, находится на другом конце кухни, и он идет туда, достает ключ, который прятал под камнем, и вставляет его в замок холодильной камеры. На ключе висит брелок — четырехлистный клевер. Один листочек частично отломан. Трех-с-половиной-листный клевер, может быть, все еще приносит удачу. Замок поддается, он заходит внутрь и понимает — главная миссия этой ночи выполнена, все невероятные усилия наконец вознаграждены.

Он страшно голоден. Из еды в его палатке осталась лишь пара крекеров, немного молотого кофе и несколько упаковок сахарозаменителя. Все. Прожди он еще несколько дней, и, возможно, не смог бы двигаться из-за слабости. Этот набег был неизбежен.

Фонарик выхватывает из темноты упаковки с булочками для гамбургеров, сыр, пакеты с колбасой и сосисками, бекон — настоящий «шведский стол». Его сердце колотится, желудок урчит от голода, и он начинает набивать продуктами рюкзак.

Глава 2

Долгожданная встреча

Жена Терри Хьюза будит его, толкая в бок, и он вскакивает с кровати, будто разжавшаяся пружина. Игра началась. Быстрый взгляд на монитор, затем прыжок вниз по лестнице, где все уже подготовлено — пистолет, фонарь, наручники, мобильный телефон, ботинки. Пояс дежурного. Где пояс дежурного? Нет времени, забудь о нем, прыгай в машину — и вперед.

Направо к Оак Риджу, затем, спустя милю, налево, газуя по длинной гравийной дороге — к летнему лагерю «Сосна». Фары выключены, но машина шумная, поэтому он бросает ее в парке, выпрыгивает из кабины. Дальше Хьюз идет уже пешком, так быстро, как это только возможно, хоть он сейчас и не столь проворен — на нем

нет пояса, а значит, руки заняты снаряжением.

Лампы с датчиками движения ему не помеха — он провел две ночи, изучая их работу и совершенствуя навыки обхода. Не снижая скорости, он приближается к столовой, перепрыгивая валуны, уклоняясь от веток деревьев. Сердце колотится, как у колибри, — еще бы, от кровати до этого окна всего за четыре минуты.

Несколько недель назад Хьюз решил положить конец эпохе отшельника. Он знал, что стандартные полицейские методы тут бессильны. Расследование велось уже четверть века, и испробовано было все: следопыты, вертолетные поиски, снятие отпечатков пальцев, проводимое четырьмя независимыми группами — шерифами двух округов, полицией штата и егерской службой.

Хьюз переводит дыхание. Затем осторожно поднимает голову и заглядывает в окно кухни, напрягая зрение, сиюсь разглядеть что-нибудь в потемках. И он видит его: бледный луч света тянется из открытой двери холодильной камеры. Неужели это и вправду он? После стольких лет? Без сомнения. На Хьюзе пижама, и он гладит кобуру на поясе, чтобы убедиться — да, оружие на месте, маленький пистолет Glock калибра 357 SIG. Заряжен. Снят с предохранителя.

Луч становится ярче, Хьюз чувствует напряжение, из холодильной камеры выходит человек, волочит рюкзак. Он совсем не такой, каким его ожидал увидеть Хьюз. Этот мужчина крупнее — добрые шесть футов, думает он — и опрятнее, его лицо свежесвыбрито. На нем большие «очки ботаника» и лыжная шерстяная шапка; он спокойно бродит по кухне и выбирает продукты, будто в супермаркете.

Хьюз не в силах сдержать довольную ухмылку. Подобные случаи редки в полицейской практике, о чем сержант Хьюз

хорошо знает. Он — егерь в Мэне уже семнадцатый год, до этого почти десять лет служил в ВМС США. Если бы за изматывающую рутину, тупиковые дела и бесконечное заполнение бумаг давали докторскую степень, он давно бы отпраздновал ее получение. Но в один прекрасный день мудрость, обретенная в череде неудач, приносит свои плоды.

Несколько недель назад Хьюз решил положить конец эпохе отшельника. Он знал, что стандартные полицейские методы тут бессильны. Расследование велось уже четверть века, и испробовано было все: следопыты, вертолетные поиски, снятие отпечатков пальцев, проводимое четырьмя независимыми группами — шерифами двух округов, полицией штата и егерской службой. За это время никто даже имени отшельника не смог узнать. Хьюз решил действовать по-своему: опросил знакомых экспертов из служб технической разведки, провел мозговые штурмы с частными детективами, выслушал советы знакомых

военных. Ничто не вызвало в нем особого интереса.

Тогда он позвонил приятелям-пограничникам, работающим в Рангелее, возле перехода Мэн — Квебек. Один из парней только что вернулся из тренировочного лагеря, где знакомился с новой охранной технологией — она создавалась для отлова тех, кто пытался нелегально пересечь границу. Засекреченная система, слишком сложная для повседневных задач егеря. Звучало идеально. Хьюз заверил, что все сохранит в тайне, и вскоре трое умельцев из погранвойск уже орудовали на кухне летнего лагеря.

Один сенсор был спрятан за машиной для льда, другой за соковыжималкой. Приемник установили у Хьюза дома, над лестницей, так, чтобы гудки сигнализации были слышны в каждой комнате. Он посвятил всего себя изучению работы системы — как читать показания монитора, как расшифровывать различные коды. Затем протестировал ее, потом еще раз и еще,

пока не убедился, что управляется с прибором достаточно свободно.

Этого было недостаточно. В деле поимки отшельника не должно было остаться места даже для малейшей небрежности. Случайный звук, вспышка света — и план мог провалиться. Он запомнил, где расположены лампы-ловушки, выбрал лучшее место, чтобы оставить машину, и отрепетировал каждое движение по дороге от дома к лагерю, всякий раз стараясь проходить дистанцию за наименьшее количество секунд. Он взял привычку каждый вечер готовить снаряжение и раскладывать его у выхода из дома. То, что сегодня он забыл, где пояс дежурного, лишь доказывает, что он тоже человек.

А потом он ждал. Это заняло две недели. Гудки сигнализации — их первой услышала его жена Ким — начались после часа ночи.

Все это плюс немного удачи — ради идеального по своему исполнению задержания. Хьюз заглядывает в кухонное окно, где грабитель продолжает наполнять свой рюкзак. Никакой серой зоны, никаких оправдывающих обстоятельств. Он поймал

его на месте преступления. И не где-нибудь, а в лагере «Сосна». Вот почему Хьюз так хотел это сделать. «Сосна» — лагерь для детей с отклонениями в развитии, это некоммерческая организация, существующая на пожертвования. Он давно служит в ней волонтером. Часто ходит с этими детьми на рыбалку на Северный пруд, ловит окуней и коричневую форель. Ну вот кем надо быть, чтобы грабить лагерь для детей-инвалидов снова и снова?

Хьюз, пригнувшись, отходит от здания и тихо набирает номер на мобильном. В обязанности егерей не входит ловля грабителей, их дело — браконьеры и заблудившиеся туристы-походники. Этот случай был личной инициативой. Он просит диспетчерскую службу полиции штата Мэн вызвать сержанта Дайан Перкинс-Ванс, которая тоже охотится за отшельником. Хьюз и Дайан были коллегами целую вечность — в один год закончили академию и почти двадцать лет работали бок о бок. Он возвращается к окну и решает стеречь отшельника до приезда Перкинс-Ванс. Пусть она

его арестовывает. И заполняет все эти бумаги. Его часть работы завершена.

Не тут-то было. Хьюз видит, как мужчина застегивает рюкзак и надевает его на плечи. Он выходит из кухни и пропадает из поля зрения, растворяясь в темноте огромной пустой столовой. Идет к выходу, решает Хьюз, к другому, не к тому, что он взломал. Доверившись интуиции, егерь обходит дом и замирает у двери, к которой, по идее, и направляется грабитель. Эта дверь, как и все остальные в столовой «Сосны», выкрашена в вишнево-красный цвет и замкнута в зеленую деревянную раму. Сержант здесь один, без помощников, на дворе ночь, а впереди — потенциально опасная встреча, которая состоится с минуты на минуту. Непредсказуемая ситуация, россыпь вариантов и сложных выборов.

К любому сценарию он готов настолько, насколько это вообще возможно — от рукопашной до стрельбы. Хьюз — тренер по борьбе в Академии уголовного правосудия штата Мэн; он умеет работать в одиночку. Ему сорок четыре года, но он силен, как

молодой солдат, у него короткая армейская стрижка и квадратная челюсть. Нет, он, конечно, не отступится и не отпустит вора. Возможность положить конец преступлениям для него превышает всех беспокойных доводов разума.

Возможно, грабитель, думает Хьюз, армейский ветеран, стало быть, скорее всего, вооружен. Кто знает, может, и навыки рукопашной борьбы у этого парня так же хороши, как его умение скрываться в лесу. Он занимает позицию у вишневой двери: пистолет в правой руке, фонарь в левой, спина прижата к стене. Он ждет, прогоняя все эти «а-что-если?» из своей головы. Наконец слышит легкий щелчок и видит, как поворачивается дверная ручка.

К любому сценарию он готов настолько,
насколько это вообще возможно —
от рукопашной до стрельбы.

Преступник выходит из столовой, Хьюз включает фонарь, резко направляя луч ему в глаза, наводит прицел на переносицу, занимает стойку: рука с пистолетом на руке с фонарем, обе вытянуты перед собой. После отпрыгивает на несколько футов назад — он не хочет, чтобы отшельник успел его ударить, — яростно выкрикивая одну и ту же фразу: «Лечь на землю! Лечь на землю! Лечь на землю!»

Глава 3

Кристофер Томас

Дайан Перкинс-Ванс едет в темноте к лагерю «Сосна». Все, что ей на данный момент известно, — Хьюз находится в опасности, без прикрытия преследуя человека, обладающего невероятным талантом исчезать бесследно. Она почти уверена в том, что к моменту, когда она прибудет на место, парня и след простынет. Или хуже. У него может быть оружие, он может применить его. Вот почему на ней бронежилет. У Хьюза его нет.

Перкинс-Ванс проезжает мимо машины егерской службы цвета хаки, припаркованной на обочине подъездной дороги, и направляется напрямиком к столовой. Вокруг ни души. Выходит, осторожно оглядываясь, и зовет: «Сержант Хьюз? Сержант Хьюз?»

«Я десять-сорок-шесть», — отвечает тот. Это код полиции штата Мэн, означающий взятие под стражу. Беспokoйство Перкинс-Ванс быстро проходит. Завернув за угол здания, она видит разбросанную по земле еду и человека, лежащего на животе, руки за спиной. Столкнувшись с Хьюзом, изумленный вор рухнул на холодный цемент без всякого сопротивления. Вот только под стражу его никак не взять — рукава толстой зимней куртки не дают застегнуться наручникам Хьюза. Перкинс-Ванс достает еще одну пару, раздается щелчок — готово, теперь точно «десять-сорок-шесть».

Они помогают мужчине сесть, затем ставят на ноги. Вытряхивают из его карманов все, что там есть, — шоколадные драже Smarties, часы Armitron, ключи с брелоком-клевером — и проверяют рюкзак и спортивную сумку на предмет оружия. Он может оказаться кем угодно: террористом, убийцей; они понятия не имеют, с кем имеют дело. В итоге находится лишь мультитул Leatherman. На нем памятная гравировка:

«Лагерь «Сосна», 2000 год». Тринадцать лет назад.

Мужчина послушно следует их приказам, но не отвечает ни на один вопрос и не называет свое имя. Он не смотрит в глаза и не хочет разговаривать. Во время обыска им так и не удается найти его документы. Только бумажник камуфляжной расцветки на липучке, внутри — немного наличных. Деньги явно очень старые, некоторые купюры покрыты плесенью.

Во время обыска им так и не удается найти его документы. Только бумажник камуфляжной расцветки на липучке, внутри — немного наличных. Деньги явно очень старые, некоторые купюры покрыты плесенью.

Время позднее, два часа ночи, но Хьюз все же звонит менеджеру лагеря Харви Чесли —

тот говорит, что уже выезжает. У Хьюза есть ключ от главной двери столовой — Чесли отдал его ему, благословив напоследок; все, что угодно, лишь бы поймать отшельника. Он отпирает дверь, включает свет и вместе с Перкинс-Ванс ведет грабителя обратно, туда, где тот только что похозяничал.

Пустая столовая напоминает огромную пещеру, где каждый звук отдается эхом. На полу нежно-голубой линолеум, сводчатый потолок поддерживают толстые еловые стропила. Сейчас не сезон, и вся мебель — столы и стулья — расставлена вдоль стен. Ряд окон расположен на стороне, выходящей к пруду, но в темноте сквозь них ничего не разглядеть. Полицейские вытаскивают на середину комнаты металлический стул с бордовым пластиковым сиденьем и сажают на него подозреваемого, за спиной у которого позвякивают наручники.

Они ставят напротив белый раздвижной столик, берут пару стульев, садятся. Мужчина все еще молчит. Лицо его непроницаемо и спокойно. Это начинает действовать на нервы; человек, только что пойманный на

месте преступления, не должен быть молчалив и пассивен. Хьюз начинает думать, не псих ли тот часом?

От него не пахнет. Волосы, по большей части спрятанные под шерстяной шапкой, аккуратно подстрижены. Его кожа до странности бледна, на запястьях — несколько заживающих порезов.

На мужчине новые, на вид, джинсы, серый свитер с капюшоном и вполне приличная куртка Columbia, на ногах — крепкие рабочие ботинки. Честно говоря, выглядит он так, будто только что приоделся в торговом центре. Рюкзак у него тоже хороший, фирменный, L. L. Bean. Лишь очки в толстой и грубоватой пластиковой оправе выглядят давно вышедшими из моды. На нем ни капли грязи, подбородок покрыт легкой щетиной. От него не пахнет. Волосы, по большей

части спрятанные под шерстяной шапкой, аккуратно подстрижены. Его кожа до странности бледна, на запястьях — несколько заживающих порезов. Он выше среднего роста и широк в плечах.

Перкинс-Ванс, как и многие полицейские, разыскивающие отшельника, всегда подозревала, что большая часть этой истории — миф. Теперь она почти уверена в этом. Не может этот парень жить в лесу. У него точно где-то есть дом или комната в отеле, и он просто время от времени грабит дома в округе.

Вскоре появляются Чесли, смотритель лагеря и еще один егерь. Чесли немедленно опознает часы, найденные в кармане грабителя. Они принадлежат его сыну Алексу, который оставил их в своем грузовичке на парковке «Сосны». Они недорогие, но ценные: Алексу их подарил дедушка. Тем временем старые механические часы на запястье пойманного мужчины опознаны смотрителем лагеря Стивом Тредвеллом — это подарок от компании Sappi Fine Paper Company в честь 25-летия работы Стива на заводе.

Комната наполняется шумом и гамом, и спокойствие подозреваемого понемногу улетучивается. Он по-прежнему тихо сидит на стуле, но вскоре ему явно становится не по себе, руки начинают трястись. У Хьюза возникает идея. Их первая встреча вышла пугающей и травматичной, но, возможно, Перкинс-Ванс сможет создать более спокойную атмосферу. Хьюз выпроваживает всех мужчин сквозь вращающуюся дверь на кухню и оставляет ее с отшельником один на один.

Некоторое время она ждет, когда он придет в себя. Этот загадочный случай занял большую часть из ее восемнадцати лет в полиции. Она снимает с него наручники и вновь надевает их так, чтобы руки мужчины оказались перед ним, теперь он может сесть поудобнее. Хьюз возвращается с бутылкой воды и тарелкой печенья, затем вновь исчезает на кухне. Перкинс-Ванс опять снимает наручники, теперь уже насовсем. Мужчина делает глоток воды. Он был пленником более полутора часов. Возможно, он уже понял, что на этот раз

улизнуть не удастся. Спокойным голосом, по пунктам, Перкинс-Ванс зачитывает его права. У него есть право хранить молчание. Она спрашивает его имя.

— Меня зовут Кристофер Томас Найт, — произносит отшельник.

Глава 4

Чистосердечное признание

— Дата рождения?

— 7 декабря 1965 года.

Звуки, вылетающие из его рта, заедают и скрипят, словно детали старого мотора, которые пытаются поворачиваться. Каждый слог требует усилий. Впрочем, кажется, его понимают — Перкинс-Ванс за ним записывает.

— Возраст?

Мужчина вновь затихает. Имя и дата рождения — крепкое барахло, надежно запрятанное в голове. Как бы ты этого ни хотел, ты не можешь забыть абсолютно все. А вот годы, как он понимает, имеют свойство меняться. И он начинает считать, загибая пальцы. О'кей, а какой год сейчас? Вместе с Перкинс-Ванс в конце концов они

решают эту задачу. Сейчас 2013-й. Четверг, 4 апреля. Кристоферу Найту сорок семь лет.

— Адрес? — спрашивает Перкинс-Ванс.

— У меня его нет, — говорит Найт.

— Куда вам отправляют письма?

— Я не получаю писем.

— Какой адрес вы указываете в налоговой декларации?

— Я не плачу налоги.

— Куда приходит ваше пособие по инвалидности?

— Я не получаю пособия.

— Где ваша машина?

— У меня нет машины.

— С кем вы живете?

— Ни с кем.

— Где вы живете?

— В лесу.

Перкинс-Ванс понимает, что сейчас не лучший момент, чтобы подвергать сомнению сказанное. Лучше позволить ему продолжать.

— Сколько времени, — спрашивает она, — вы живете в лесу?

— Долгие годы, — говорит он.

Перкинс-Ванс предпочла бы более точную информацию:

— В каком году вы начали жить в лесу?

Опять эти года. Он принял решение рассказать о себе и теперь важно говорить только правду. Все остальное — бросание слов на ветер. Сосредоточенно глядя в окно, за которым все еще черным-черно, он что-то вспоминает.

— Когда случилась Чернобыльская катастрофа?

Он тут же пожалел, что ляпнул это. Полицейский сейчас решит, что он какой-нибудь сумасшедший защитник природы. На самом деле это просто новость, которая ему вспомнилась. Но объяснить это будет сложно, у него нет сейчас сил для этого, и он расслабляется. Перкинс-Ванс ищет ответ в Сети: Чернобыль случился в 1986-м.

— Вот тогда я и ушел в лес, — говорит Найт. Двадцать семь лет назад. Тогда он был вчерашним выпускником, а сегодня — мужчина средних лет. Он говорит, что все это время жил в палатке.

— Где? — спрашивает Перкинс-Ванс.

— В лесу неподалеку, — отвечает Найт. Он никогда не знал названия пруда поблизости и не имел ни малейшего понятия, что соседний городок называется Рим, штат Мэн, а его население — тысяча десять человек.

— Где вы жили зимой?

Он продолжает настаивать, что все это время провел в маленькой нейлоновой палатке и ни разу за все зимы не развел костра. Дым мог бы выдать его лагерь. Каждую осень, по его словам, он запасал в лагере достаточно пищи, чтобы не покидать его в течение пяти или шести месяцев, пока растаявший снег вновь не даст ему возможности передвигаться по лесу, не оставляя следов.

Перкинс-Ванс нужно время, чтобы переварить эту информацию. Зимы в Мэне длинные и очень холодные; и не просто холодные, а влажные и ветреные. Провести неделю в зимнем лагере на природе — уже подвиг. А прожить так несколько месяцев — это вообще неслыханно! Извинившись перед Найтом, она уходит на кухню.

Мужчины пьют кофе, наблюдая за Найтом сквозь большое прямоугольное стекло в двери. Перкинс-Ванс пересказывает их разговор. Ни у кого нет уверенности, чему из этого можно верить. Хьюз замечает, что, пока Найт разговорился, важно спросить его о краже.

Каждую осень, по его словам, он запасал в лагере достаточно пищи, чтобы не покидать его в течение пяти или шести месяцев, пока растаявший снег вновь не даст ему возможности передвигаться по лесу, не оставляя следов.

Перкинс-Ванс возвращается обратно. Хьюз чуть приоткрывает дверь — ему любопытно, он хочет лучше слышать разговор. Ему хорошо известно, что все преступники, как правило, отрицают свою вину — они будут клясться и божиться, что не делали

этого, даже если ты поймал их с поличным, когда они обчищали сейф.

— Не хотите рассказать мне, как вы попали в это здание?

— Я взломал дверь отверткой. Чтобы попасть в холодильник, воспользовался ключом, который украл несколько сезонов назад. — Найт показывает на ключ с брелоком-клевером, лежащий на столе среди других предметов.

— Откуда эти деньги? — спрашивает Перкинс-Ванс, указывая на пачку наличных — триста девяносто пять долларов, которые она извлекла из его бумажника.

— Я собирал их годами, — говорит Найт. — По несколько купюр тут и там, из разных мест, куда удавалось забраться.

Он делал это на случай, если придется пойти в город, чтобы что-то купить, но такого случая не представилось. Он говорит, что за время жизни в лесу не потратил ни цента.

Перкинс-Ванс просит Найта ответить, сколько всего домиков, коттеджей и лаге-

рей он ограбил. По затянувшейся паузе можно предположить, что подсчет дается Найту с трудом.

— Это случалось раз сорок за год, — наконец произносит он. И так каждый год, двадцать семь лет подряд.

— Это случалось раз сорок за год, — наконец произносит он. И так каждый год, двадцать семь лет подряд.

Теперь уже очередь Перкинс-Ванс складывать и умножать в уме. Получается больше тысячи случаев — тысяча восемьдесят, если быть точным. Каждый из них считается преступлением. Можно с уверенностью сказать, что это самое большое ограбление в истории штата Мэн. Возможно, по числу отдельных взломов это самое крупное преступление в стране. Или вообще во всем мире.

Найт объясняет, что проникал в дома только по ночам, лишь наверняка убедившись, что в них никого нет. Он никогда не грабил жилые дома в городе — только летние загородные коттеджи и лагерь «Сосна». Иногда замки даже не были заперты, иногда он открывал ломом окна или взламывал двери. Одну только «Сосну» он грабил пятьдесят раз. Каждый раз он брал все, что мог унести, но, так как унести он мог немного, приходилось часто возвращаться.

Перкинс-Ванс объясняет, что все украденные вещи придется вернуть. Она спрашивает, что из найденного при обыске принадлежит ему.

— Все краденое, — говорит Найт. Рюкзак, ботинки, инструменты, снаряжение в его лагере, вся одежда на нем, вплоть до нижнего белья. — Единственная вещь, которая действительно моя, — это очки.

Перкинс-Ванс спрашивает, есть ли у него семья в этом районе.

— Я бы предпочел не отвечать на этот вопрос, — говорит он.

Но ей все же удается его разговорить. Найт не знает, живы ли его родители, — он ни с кем не общался все это время, — но даже если живы, он бы не хотел, чтобы они узнали, что его нашли. Перкинс-Ванс спрашивает почему, и Найт отвечает, что его не воспитывали как вора. Он говорит, что ему стыдно.

Найт вырос в Центральном Мэне. Никогда не служил в армии. Окончил среднюю школу Лоуренса, выпуск 1984 года. Чесли, как и Хьюз, слушавший этот разговор из кухни, вспомнил в этот момент, что его жена закончила ту же школу, только двумя годами позже. Возможно, у него дома даже сохранился альбом с фотографией 84-го. Хьюз просит Чесли съездить домой и попробовать найти его.

Перкинс-Ванс звонит диспетчеру и просит проверить Найта. Досье чистое — он ни разу не был арестован. Не числится среди пропавших. Срок действия водительского удостоверения закончился в день его рождения в 1987 году.

Чесли возвращается со школьным альбомом — на обложке цвета морской волны выгравированы большие серебряные цифры «84». С небольшой подписанной фотографии смотрит старшеклассник Крис Найт — мальчик с темными взъерошенными волосами, в очках с толстыми стеклами и в синей рубашке поло. Он стоит, слегка облокотившись на дерево, руки скрещены на груди. Он выглядит здоровым и сильным. На лице не улыбка, а какая-то криво-ватая усмешка. На фотографиях школьных клубов или спортивных команд его нет.

Сложно найти сходство между этим мальчиком и мужчиной, сидящим сейчас в столовой «Сосны». Найт говорит, что годами не видел собственного лица, за исключением, возможно, размытого отражения в воде. В его лагере нет зеркал.

Сложно найти сходство между этим мальчиком и мужчиной, сидящим сейчас в столовой «Сосны». Найт говорит, что годами не видел собственного лица, за исключением, возможно, размытого отражения в воде. В его лагере нет зеркал.

— Как же вы бреетесь? — спрашивает Перкинс-Ванс.

— Вслепую, — говорит он.

Найт совсем не представляет, как выглядит его лицо. Он искоса поглядывает на снимок. Очки сдвинулись на лоб, но он вернул их на место.

В этот момент и Хьюз, и Перкинс-Ванс неожиданно поняли, просто почувствовали глубоко внутри, что все услышанное сегодня вечером — правда. Хоть оправа и выцвела с годами, но сомнений почти не осталось — на мальчике с фотографии и мужчине, сидящем перед ними, одна и та же пара очков.

До рассвета осталось недолго, за окном уже светлело. Перкинс-Ванс знает, что Найт вскоре пропадет из виду, будет проглочен системой, и так свободно, как сейчас, с ним

будет уже не поговорить. Она хочет понять, зачем было уходить жить в лес, но Найт говорит, что не может назвать определенных причин. Она указывает на заживающие шрамы у него на запястье.

— Как вы лечились?

— Я не принимал никаких лекарств и никогда не ходил к врачу. С возрастом порезы и шрамы заживают медленнее, но мне повезло — у меня не было серьезных травм.

— Вам случалось заболеть?

— Нет. Чтобы заболеть, нужно контактировать с другими людьми.

— Когда в последний раз вы контактировали с другим человеком?

После ухода в лес он ни разу ни с кем не имел физического контакта. Но однажды, в 1990-х, он встретил туриста, идущего по лесу.

— Что вы ему сказали?

— Я сказал ему: «Привет!»

Кроме этого случая он не сталкивался и не говорил с другим человеком на протяжении двадцати семи лет.

Глава 5

«Мистер Обыкновенный»

Фонарь — такая вещь, пропажа которой из загородного дома бросается в глаза в первую очередь. Или запасной газовый баллон. Или книги с прикроватной тумбочки, или стратегический запас стейков, оставленный в морозилке. В одном из домиков заметили пропажу тефлоновой сковороды, ножа и кофейника. Каждый раз исчезали батарейки — часто все, что имелись в доме.

Это было не слишком смешно для шутки, но и не слишком серьезно для преступления. Так, нечто среднее. Может, фонарь утащили дети? А ты точно клал эти стейки в морозилку? В конце концов, телевизор на месте, так же как и компьютер, и камера, и украшения. Ни двери, ни окна не

сломаны. Вы будете вызывать полицию, потому что из дома пропали все батарейки и роман Стивена Кинга? Да нет, конечно!

Но вот вы приезжаете в коттедж следующей весной и обнаруживаете, что дверь приоткрыта. Или что засов не заперт. Или, к примеру, на кухне ломается кран, и вентиль для горячей воды остается у вас в руке. Это очень странно, ведь его установили совсем недавно — и вы начинаете осматривать раковину, затем окно над раковиной и вдруг замечаете несколько маленьких металлических стружек. Наконец вы понимаете, что металлический замок на окне был открыт, а рама вокруг него слегка поцарапана.

Вы будете вызывать полицию, потому что из дома пропали все батарейки и роман Стивена Кинга? Да нет, конечно!

Черт побери, кто-то сюда влез и, вероятно, наступил на смеситель, когда забирался в дом, а потом поправил все так, чтобы поломка не была заметна. Ничего ценного снова не пропало, но на этот раз вы уже вызываете полицейских.

Полиция говорит, что они уже знают об отшельнике и надеются, что этот случай скоро расследуют. Все лето на дружеских пикниках вы слышите десятки подобных историй. Газовые баллоны, батарейки и книги — обычное дело, но вот у кого-то уже увели наружный термометр, садовый шланг, скребок для снега и упаковку пива Heineken.

Одна пара, открыв свой летний домик впервые за сезон, обнаружила, что пропал матрас с двухъярусной кровати. Это было уже совсем удивительно. Невозможно вынести матрас через окно. Однако входная дверь была закрыта на засов и висячий замок. Когда они приехали, замки были нетронуты, а на двери не было повреждений. Единственное предположение, имеющее хоть какой-то смысл, звучало так: вор влез

в окно, снял дверь с петель, вытолкнул матрас в щель, прикрутил дверь на место и вышел через окно.

Главной мишенью грабителя, как все уже знали, был летний лагерь «Сосна». Это был его персональный Costco. После каждой кражи повреждения были минимальными — стекла не разбиты, ничего не перевернуто вверх дном. Он был вором, не вандалом. Если снимал дверь с петель, всегда вешал ее на место. Дорогие вещи его не интересовали. Или ее. Или их. Никто точно не знал, о ком идет речь.

Одна семья прозвала его Горным Человеком, но это имя пугало их детей, так что вскоре он стал Голодным Человеком. Большинство людей, включая полицейских, называли грабителя просто отшельником или Отшельником Северного пруда. Некоторые полицейские отчеты упоминали «легенду об отшельнике», в других, где требовалось полное имя подозреваемого, он был записан как Отшельник.

Многие жители окрестностей Северного пруда были убеждены, что легендарный

отшельник — кто-то из соседей. Северный и Малый Северный пруды расположены в Центральном Мэне, вдали от популярного в летнее время побережья с его богатыми поселениями. Дороги, которые вьются вдоль их берегов, в большинстве своем немощные и ухабистые. Вокруг прудов в радиусе двадцати миль разбросаны около трех сотен домиков, большинство из которых обитаемы лишь в теплую погоду. Почти все здесь знают друг друга. Некоторые семьи владеют одним участком многие десятилетия.

Звучало предположение, что кражи — проделки группы подростков, какой-нибудь местной банды. Или, как думали некоторые жители, это дело рук какого-нибудь опустившегося ветерана Вьетнама. Строились догадки, что грабитель имеет отношение к лагерю «Сосна». Периодически появлялись подозрительные охотники на оленей из другого штата. А еще грабителем легко мог оказаться один из угонщиков самолета, бывших в бегах с 1970-х. Возможно, здесь орудовал серийный убий-

ца. А вообще, как насчет того парня, который всегда ходит на рыбалку один и в домике которого никто не бывал? Может, вы найдете свой матрац там?

Следующим летом у одной семьи появилась идея. Они написали записку и приклеили ее скотчем к входной двери: «Пожалуйста, не входите к нам в дом. Сообщите, что вам необходимо, и мы оставим это для вас снаружи». Пример стал заразительным, и вскоре на дверях полудюжины домиков появились подобные послания. Некоторые решили действовать на опережение и вешали на двери пакеты с консервированными продуктами и книгами.

Ответа на записки не последовало. Пакеты с продуктами остались нетронутыми. Взломы домов и кражи продолжились — вскоре «ушли» спальный мешок, зимний термокостюм, годовая подборка журналов National Geographic. Следом — огромное количество батареек, включая большие аккумуляторы от машин и лодок. У той же пары, которая лишилась матраца, был украден рюкзак. Это вызвало панику — в рюк-

заке хранились паспорта их детей. Позже паспорта были найдены — грабитель вынул их и положил на комод, прежде чем уйти.

После этого многие семьи решили оборудовать свои домики защитными системами. Они установили сигнализации, датчики движения, усилили окна и двери. Некоторые потратили на это тысячи долларов. В местном лексиконе появилось новое слово — «отшельникозащитный», и между соседями стал витать неведомый здесь ранее дух взаимного недоверия. Те, кто никогда не закрывал дверей, стали запирать их на замок. Два брата, владевшие соседними домами, сильно поссорились, обвиняя друг друга в краже пропана. Несколько человек, считавших, что они сами забыли, куда положили вещи, всерьез обеспокоились, не начался ли у них старческий маразм. Один мужчина даже стал подозревать в кражах собственного сына.

Пара, у которой увели матрац и рюкзак, стала всякий раз накрепко запирать окна и двери, оставляя дом даже на час, — их не беспокоило, что воздух внутри ста-

новился слишком спертым. В конце лета один парень вернулся из строительного магазина с пятьюдесятью листами фанеры и шуруповертом с помощью тысячи шурупов полностью зашил дом на зиму.

Тысяча шурупов от грабителя спасла — больше не помогло ничего. Из остальных домиков были украдены подушки и одеяла, туалетная бумага и фильтры для кофе, пластиковые кулеры и переносные приставки для видеоигр. Некоторые дома грабили так часто — почти каждые две недели, — что их владельцы уже выучили вкусы отшельника: например, он предпочитал арахисовое масло консервированному тунцу, пиво Bud пил классическое, а не светлое, носил плавки, а не боксеры. Он оказался сладкожкой — у одного из детей пропали все сладости для Хеллоуина; лагерь «Сосна» лишился восьмифунтовой кастрюли горячей «помадки».

Кражи, как правило, начинались в самом начале летнего сезона, перед Днем поминовения. Следующая волна взломов приходилась на сентябрь, после Дня труда.

Обычно ограбления происходили посреди недели, в дождливую ночь. Никто из владельцев ни разу не пострадал. Примечательно, что отшельник никогда не трогал продукты в открытой упаковке. Одна семья шутила, что «отшельник никогда бы не стал встречаться со стройняшкой» — коктейль с таким названием оставался нетронутым всякий раз, сколько бы набегов на их домашний бар он ни совершал.

Прошло десять лет. Ничего не изменилось: остановить отшельника не удавалось никому и ничему, полиция так и не вышла на его след. Судя по всему, он скрывался в лесу. Люди уезжали в город за покупками и по возвращении обнаруживали вскрытые дома. Должно быть, он ждал в лесу, когда они уедут, следил за ними. Он рылся в комодах и выворачивал ящики шкафов. Каждый выход на природу заставлял жителей округи покрываться мурашками при одной только мысли, что кто-то прямо сейчас мог прятаться за деревом. Все ночные шумы, казалось, сигнализировали о приближении грабителя. Несколько человек украдкой об-